

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколень – Хэсэд Дорот“

Издаётся с декабря 2000 года.

Таммуз/Ав 5780 июль 2020

№7(223)

Пост Девятого Ава

Самым траурным для евреев днём считается Девятое Ава (в этом году – 30 июля). В этот день ничего не едят, не пьют, не надевают кожаную обувь. Пост начинается вечером 8 Ава (29 июля) за несколько минут до захода солнца и заканчивается после появления звёзд на небе вечером 9 Ава.

День 9 Ава – единственный день в году, когда еврей не только не обязан, но и не имеет права изучать Тору (ведь изучение считается источником радости).

Изначально пост 9 Ава связывался с „грехом разведчиков“. Когда Моше привёл евреев к границам Земли Обетованной, то они побоялись сразу войти в неё и упросили Моше отправить разведчиков, с тем чтобы те, вернувшись, описали страну и перспективы жизни в ней. И хотя эта просьба была выражением сомнения в Б-ге, который вывел евреев из Египта и обещал им эту страну, всё же Моше согласился отправить глав 12-ти колен на разведку. Вернувшись, разведчики сообщили, что страна „укреплена до неба“ и населена великанами, против которых евреи „маленькие, как кузнечики“. Только главы двух колен утверждали, что Земля Израиля прекрасна, и что стоит войти в неё. Народ поверил, естественно, большинству и всю ночь с 8-го на 9-е Ава евреи плакали, говоря, что Б-г привёл их в эту страну из злобы и что лучше бы они умерли в пустыне... Тогда Б-г разгневался и сказал, что в этот раз евреи плакали напрасно, но теперь у них появится множество поводов для плача в эту ночь. Таково будет наказание за грех неверия.

И первым наказанием стал запрет поколению, вышедшему из Египта, войти в Святую Землю. Люди, усомнившиеся в Б-ге, были обречены 40 лет скитаться по пустыне – по году за каждый день разведки и умереть в ней, как они и просили.

Во-вторых, за то, что евреи испугались (несмотря на все чудеса и знамения) народов, населявших Кнаан, и отказались войти в Израиль в выбранное Б-гом время, было сказано, что теперь евреи смогут получить эту землю только после тяжёлых войн, хотя могли получить её чудесным образом – без всяких усилий.

Но, видимо, и этих наказаний оказалось недостаточно, чтобы евреи безоговорочно приняли Б-га и его заповеди, уже обосновавшись на Земле Обетованной, евреи продолжали грешить – самым тяжёлым грехом было идолопоклонство, ведь это прямое нарушение заповеди: „Не сотвори себе кумира“. Причём, по свидетельству пророка Иеремии (бывшего свидетелем разрушения Первого Храма) объектом поклонения стал и непосредственно Храм. Пророк говорил, что люди его поколения без конца повторяли слова: „Храм Господа“ (Иер. 7:4), полагая, что Храм спасёт их, искупит любое их преступление. Так было забыто значение Храма как пути служения Вс-вышнему, и Храм приобрёл значение посредника, промежуточного звена в отношениях между евреями и Б-гом. В сущности орудие достижения цели (службы Г-споду, общения со Вс-вышним) приобрело несоразмерную важность и заняло в сознании людей центральное место. Цель же отошла на второстепенные позиции. Поэтому и был разрушен Храм: Б-г убрал этот соблазн.

И до тех пор, пока евреи не раскаются в грехе неверия, это наказание будет с ними, и будут появляться всё новые и новые поводы для плача в этот день.

Вот перечень печальных событий случившихся на протяжении веков 9-го Ава:

- 2449 год от сотворения мира (1313 до н.э.) Вс-вышний вынес приговор, согласно которому вышедшее из Египта поколение было обречено скитаться по пустыне 40 лет и умереть, так и не увидев Страны Израиля.
- 3338 год (422 г. до н.э.) Вавилонским царём Навуходоносором был разрушен и сожжён Первый Храм, построенный Соломоном в 9-м веке до н.э.
- 3828 год (68 г. н.э.). Римским военачальником (впоследствии императором) Титом Веспасианом был разрушен Второй Храм, построенный в 4-м веке до н.э.
- 135 год. Пал последний оплот еврейских повстанцев, а вождь восстания Шимон Бар-Кохба был убит. По свидетельству римского историка Диона Кассия, в сражении той войны погибло 580 тысяч евреев, были разрушены 50 укрепленных городов и 985 поселений; почти вся Иудея превратилась в выжженную пустыню.
- спустя несколько лет после поражения Бар-Кохбы (более точных сведений нет), римский правитель Турнус Руфус перепал территорию Храма и его окрестностей. Исполнилось сказанное пророком: „Из-за вас Сион будет распахан, как поле, и Иерусалим станет руинами, а Храмовая гора – лесистым холмом“ (Миха, 3:12). Захватчики запретили евреям жить в Иерусалиме. Всякому нарушившему запрет грозила смертная казнь. Иерусалим стал языческим городом под названием Аэлия Капитолина.
- 1095 год. Папа Урбан II объявил о начале первого крестового похода, в результате которого „воины Иисуса“ убили десятки тысяч евреев и уничтожили множество еврейских общин.
- 1146 год. Во время второго крестового похода были организованы погромы в еврейских общинах Германии и Франции.
- 1290 год. Началось изгнание евреев из Англии.
- На следующий день после 9 Ава в 1306 году был издан указ об изгнании евреев из Франции, причем всё своё имущество они должны были оставить.
- 1348 год. Европейских евреев обвинили в организации одной из крупнейших в истории эпидемий чумы. Это обвинение привело к жестокой волне погромов и убийств.
- 1492 год. Король Испании Фердинанд II Арагонский и королева Изабелла I Кастильская издали указ об изгнании евреев из Испании.
- 1555 год. Евреи Рима переселены в первое в истории гетто.
- 1567 год. Были переселены в гетто остальные евреи Италии.
- 1648 год. Резня сотен тысяч евреев в Польше, Украине и Бессарабии.
- 1882 год. В России начались погромы еврейских общин в пределах черты оседлости.
- 1914 год. Началась Первая мировая война.
- 1942 год. Началась депортация евреев из Варшавского гетто.
- 1942 год. Начал действовать лагерь смерти в Трехлинке.

И всё же евреи верят, что когда-нибудь этот день станет самым большим праздником. Когда все евреи раскаются в своих грехах, то именно в этот день родится Машиах.

Пятнадцатое Ава

Пятнадцатое число месяца Ав помечено в еврейском календаре как праздничный день. Собственно, этой пометкой праздничные мероприятия и ограничиваются: никаких особых обычаев, ничего необычного, обычный рабочий день, разве что молитва в синагогах несколько короче – из неё исключаются покаянные тексты. И это всё.

А ведь когда-то „...не было в Израиле праздника прекраснее 15 Ава. Еврейские девушки выходили в сады в белых платьях, одолженных по обычаю друг у друга, чтобы никому не было стыдно из-за отсутствия красивой одежды. В садах они водили хороводы, и всякий, кто искал себе невесту, шёл туда“.

Праздник этот существовал с глубокой древности. Ещё до установления в Израиле царства, ещё до завоевания Иерусалима. Уже тогда девушки, желающие выйти замуж, выходили танцевать в виноградники в окрестностях Храма в Шило.

Местом встречи колен в то время был Храм в Шило, куда собирались все колена Израиля на установленные Торой праздники. Там старейшины обсуждали дела, заключали договоры и принимали совместные решения. Именно Храм в Шило и встречи там объединяли колена в единый союз.

Пятнадцатое Ава – праздник, не установленный Торой, возникший сам по себе, как веселье по поводу сбора винограда. Именно он дал народу возможность объединиться. Этот день Талмуд называет величайшим праздником года наряду с Йом-Кипуром, отводя последнему почётное второе место!

На самом деле, пятнадцатое Ава не может не быть загадкой. Выпадая на полнолуние трагического месяца Ав, он является праздником грядущего Освобождения.

Семь событий, случившихся 15-го Ава

Танцы девушек Иерусалима. Сказал рабби Шимон бен Гамлиэль: „Не было у народа Израиля более великих праздников, нежели 15 Ава и Йом-Кипур. В этот день дочери Иерусалима выходили... и танцевали в виноградниках. И что они говорили? Юноша, подними глаза и посмотри, кого ты выберешь!..“ (Талмуд, тр. Таанит, 26б). Талмуд затем перечисляет другие радостные события, случившиеся 15-го Ава:

Прекратилась смерть поколения Исхода. Через несколько месяцев после того, как народ Израиля был освобождён от египетского рабства, история разведчиков продемонстрировала неготовность евреев к завоеванию земли Ханаанской и превращению её в Святую Землю. Вс-вышний постановил, что всё это поколение вымрет в пустыне, и лишь их дети войдут вместо них в эту землю (как рассказывается в книге Ваикра). После 40 лет скитаний по пустыне вымирание, наконец, закончилось, и новое поколение евреев было готово войти в Святую Землю. Это было 15 Ава 2487 года от сотворения мира (1274 г. до н.э.).

Стали разрешены браки между коленами Израиля. Чтобы обеспечить упорядоченное разделение Святой Земли между двенадцатью коленами Израиля, были введены ограничения на браки между представителями двух разных колен. Женщине, наследовавшей часть удела своего колена от своего отца, было запрещено вступать в брак с мужчиной из другого колена, чтобы дети не стали причиной передачи земли от одного колена к другому, унаследовав имущество матери. Это постановление было обязательным для поколения, которое завоевывало Святую Землю и расселялось в ней. Когда это ограничение было снято, 15-го Ава, это событие стало поводом для праздника и радости.

Колону Биньямина было разрешено воссоединиться с общиной Израиля. В этот день колону Биньямина, отлучённое за поведение в инциденте с „наложницей в Гиве“ (наложница левита была изнасилована некими людьми из колена Биньямина, после чего умерла – ред.) было вновь принято в общину Израиля (как сказано в книге Судей, 19-21). Это произошло во времена Отниэля бен Кеназа, который правил народом Израиля в 2533-2573 годы (1228-1188 г. до н.э.).

Ошея открыл дороги в Иерусалим. В 2964 году (797 г. до н.э.) после смерти царя Соломона. Эрец Исраэль разделился на два царства: Израильское царство и Иудею. Иеровоам бен Нават, правитель мятежного северного Израильского царства, установил на дорогах заставы и запретил своим гражданам совершать трижды в год паломничество в Святой Храм в Иерусалиме – столице южного царства Иудеи. Более 200 лет спустя Осия бен Ила, последний царь северного царства, снял заставы 15-го Ава 3187 года (574 г. до н.э.).

Были похоронены погибшие защитники Бейтара. Крепость Бейтар была последним оплотом восстания Бар Кохбы. Когда Бейтар пал 9-го Ава 3893 года (133 г.), Бар Кохба и тысячи других защитников крепости погибли. Римляне с большой жестокостью убили оставшихся в живых, и не позволили евреям похоронить павших. Тела защитников Бейтара были преданы погребению 15-го Ава 3908 года (148 г.). В память об этом в молитву после еды было добавлено дополнительное благословение („Атов Взаметив“).

День ломки топоров. Когда в Иерусалиме стоял Святой Храм, ежегодная заготовка дров для жертвенника завершалась к 15 Ава. Это событие отмечалось пиршеством и ликованием, во время которого преломляли топорща, что и дало название этому дню.

р-н Янки ТАУБЕР.

Экономика царя Шломо

Царь Шломо приступил к строительству Храма на четвёртый год своего правления, в 480 году после исхода из Египта, в начале второго месяца, то есть в начале Ияра. Это грандиозное сооружение стало самым величественным зданием своего времени. Ему не было равных ни по роскоши отделки, ни по ценности использованных материалов. В его возведении принимали участие как местные умельцы-ремесленники, так и мастера издалека. Вопрос: откуда на это взялись средства? Вот о деньгах царя Шломо мы и поговорим.

Об экономике замкнутого сельскохозяйственного общества до правления Шломо писать неинтересно. Развитой международной торговли Страна Израиля не имела, да и

иметь не могла, она так „сочится молоком и мёдом“, но молоко могло быть предметом экспорта только в виде сыра, который и так умели варить все, а мёд – больших денег на нём не наварить. С полезными ископаемыми тоже не густо. Страна Израиля в древности излишков не производила, продавать за границу ничего не могла, а как следствие – не могла ничего и ввозить. Ну, была скромная торговля оливковым маслом. Кажется, приторговывали вином, хотя знаменитым оно никогда не было, а вино с гор Иудеи считалось даже сомнительным – „слишком сладкое“.

Не стоит забывать и о цене транспортировки. Иерусалимский Талмуд свидетельствует, что перевозка пшеницы на один дневной переход, без учёта поборов, повышает её

цену на четверть. Отсюда простейший вывод: караванная торговля выгодна, только если груз очень дорог и накладные расходы на этом фоне невелики. То есть надо везти нечто очень дорогостоящее, как правило излишества, то, без чего можно легко обойтись.

Об экономике до периода правления Шломо есть рассказ в Талмуде (Брахот, 3б): «Приходят люди к Давиду и говорят: „Отощал народ, обеднел. Что будем делать?“ Давид отвечает: „Пусть зарабатывают, работая друг на друга“. На что ему отвечают: „Если переключать деньги из кармана в карман, то богаче не станешь“ (буквально „Цистерна не наполняется за счёт упавших прямо в неё капель“). На это Давид им отвечает: „Ну, пойдите с отрядом солдат, попросите [у соседей]“...»

(Окончание на стр.2)

Экономика царя Шломо

(Окончание. Начало на стр. 1)

Как только царь убеждается, что в своей стране взять нечего, он отдаёт приказ о грабительском походе на соседей. Юридически, в талмудических источниках, такая деятельность попадает под один из пунктов – так называемую „дозволенную войну“, и этот её частный случай обозначается как „война с целью выгоды“. Конечно, набеги тоже можно считать экономической деятельностью, но, правда, тогда придётся признать таковыми воровство и грабёж.

Впрочем, Давид построил царство приличных размеров, контролируя при этом важнейшие торговые пути. Но пользоваться выгодами нового геополитического положения он не сумел хотя бы потому, что не мыслит категориями экономики, а тем более международной торговли. Он считал себя пастухом, ставшим царём лишь волей Всевышнего. А вот его сын Шломо будет пожинать экономические плоды отцовских побед. Для того, чтобы понять, где тут деньги, надо просто помнить, что есть на свете предметы роскоши, а именно золото, слоновая кость, благовония, пряности и шёлк. Кое-что везут из Индии, кое-что из Китая и с островов вроде Цейлона, а кое-что из Африки.

Шломо получил богатую возможность пристроиться к международной торговле. С одной стороны, он владел частью одного из путей из Африки в Средиземноморье, так сказать, из Африки в греки. А с другой стороны, появилась вторая богатейшая возможность – заняться куда более выгодной морской торговлей.

В Азии существовало устойчивое мнение, что в Египте „золота как грязи“, и Мицраиму ничего не стоит поддержать золотом друзей, а вот последние могут извлечь серьёзный доход. По всей видимости, суждение это хоть и преувеличенное, но верное. Главный источник золота Древнего мира – Африка, а торговля с Африкой примерно до XI в. до н.э. – практически монополия Египта. Это золото Египет использовал не только для торговли, но и для политического подкупа азиатских партнёров. Но ко времени правления царя Шломо Египту было не до африканской торговли.

Идею занять место ослабшей сверхдержавы на рынке золота подал царю Шломо предприимчивый царь Хирам, правивший в Цоре (нынешние Тир и Сидон в Ливане). К тому времени он был чуть ли ни монополистом в средиземноморской торговле и, обзаведясь большим флотом, ходил по всему Средиземному морю вплоть до Гибралтара, меняя всё на всё и основывая колонии. Он и выступил инициатором выгодного проекта: строим в районе нынешнего Эйлата порт, договариваемся с царицей Савской – государства, которое держало в своих руках вход в Бабель-Мандебский пролив, организовывая караваны экзотических товаров, пересекавшие Аравию, и – сплошная выгода – африканские товары идут на кораблях прямо в наш новый порт. Там его перегружают на караваны и по территории только одной страны, без лишних поборов и таможенных постов, везут в Цор, где опять перегружают на корабли Хирама и продают кому угодно.

Сказано – сделано. Благодаря мастерам Хирама появляется порт Эцион-Гевер, они же помогают строить корабли, а царь Шломо со своими специалистами по морским перевозкам (логистикой занималось колено Звулуна) начинает торговлю. Первое же путешествие принесло замечательные плоды. Экспедиция в Офир вернулась с 420 та-

лантами золота на борту. Если слово „талант“ использовано в обычном смысле, то это мера веса металлов около 30 кг, а значит, речь идёт о 12,5 тоннах золота с лишком. Правда, по тогдашним временам золото в Азии, как и сегодня, никак не являлось деньгами, а представляло собой товар, причём даже курс золота к серебру в разные эпохи колебался от одного к трём до одного к пятнадцати. Но всё равно – золото и в те времена не было бросовым.

Во всей этой истории за кадром остался важнейший экономический аспект: чем Шломо платил за золото? Ну не грабил же он бедных африканцев! Точно, не грабил, ибо в ТаНаХе повествуется о прибытии делегации царицы Савской в Иерусалим для заключения торгового договора. Напрашивается вывод, что у царя Шломо было что-то взамен золота. Если вспомнить, что же у него действительно имелось, то после исключения зерна, вина и масла остаётся только медь. Незадолго до этого царь Давид захватил очень богатые её залежи. Надо полагать, что Шломо поставлял в Африку медь и предметы роскоши и играл на разнице курса медь – золото. Доказательством правоты подобного предположения могут служить несколько печей для отливки меди в слитки, обнаруженные в ходе археологических раскопок рядом с современным эйлатским портом, равно как и огромный металлургический центр по соседству, в Тимне, который кроме меди работал по новейшему тогда металлу – железу. Если так, то в торговле золотом царь Шломо был не поставщиком Хирама, а основным партнёром. Царь Цора ему понадобился как инвестор и иностранный специалист, способный помочь в строительстве порта и кораблей.

Во всей этой сделке стоит обратить внимание на то, что в ней упоминается золото и только золото. Но ведь дальше говорится, что золота было столько, что серебро не ценилось вовсе, а значит, и серебро тоже имелось. Более того, как мы уже отметили, именно серебро было деньгами эпохи. Оно тоже поставлялось царю Шломо, но совсем не из Африки. Хирам в награду за доступ к золоту Африки позволил партнёру принять участие ещё в одной торговой операции, а именно в торговле с Таршишем. Так в ТаНаХе именуется юг Пиренейского полуострова, а это как раз месторождения серебра и олова. Из описания в книге Млахим I (гл. 10) следует, что царю Шломо были предоставлены корабли, которые курсировали между ним и Таршишем на постоянной основе, раз в три года привозя груз серебра (три года – это по тем временам как раз время плавания туда-обратно). Эта земля ещё долго останется крупнейшим в Древнем мире поставщиком серебра и олова.

Мы начали рассказ о периоде экономического процветания с того, почему ни о какой торговле сельхозпродуктами в те давние времена речи идти не могло. Так вот, общее правило „деньги к деньгам“ в экономике работает. Союз с торгашами Цора имел важный аспект: царство Хирама практически было лишено равнинных сельскохозяйственных угодий и если в чём-то и нуждалось, то как раз в продуктах. Поэтому сельскохозяйственные излишки царства Шломо нашли свой устойчивый рынок сбыта, да и везти их было недалеко. В результате налачился обмен: древесина против продуктов питания – за строительный лес Хирам получал от Шломо „двадцать тысяч кОров пшеницы и двадцать тысяч кОров оливкового масла“ (Млахим I, 5:25) – то есть порядка 6 тыс. тонн зерна и 6 тыс. литров масла. Ос-

таётся выяснить несколько вопросов, связанных со всеми этими операциями, блестящими в финансовом отношении. Ощутит ли на себе народ, тот самый, который принято называть простыми тружениками, экономическое процветание в результате деятельности царя? Иначе говоря: стал ли народ жить лучше? Понятно, что государство, в лице царя и его приближённых, несомненно, выигрывает.

Вообще, всё вышеописанное приводит к тому, что экономисты называют „голландской болезнью“, причём в тяжёлой форме. Давайте просто считать: вот царь получает огромную груду золота – 420 талантов в год, по тем временам годовое содержание 200 тыс. неквалифицированных рабочих. Деньги эти, запущенные в экономику, пользы не принесут по самой простой причине: земля больше того, что производит, произвести не может, а кушать хочется всем. В таких условиях в самом лучшем случае четверо работающих на земле могут прокормить пятого, занятого в иной сфере. В результате лишние деньги в экономике без серьёзных поставок товаров из-за границы вообще никому не нужны, а про поставку товаров в горные районы мы уже сказали всё, что могли. Получается, что золото, запущенное в такую экономику, можно будет использовать только для приобретения предметов роскоши. Иными словами, улучшить жизнь простого люда подобная экономика в принципе не в состоянии.

Значит, золото царя Шломо только ухудшило положение, ведь вся эта деятельность требует рабочих рук, причём многочисленных. Кто-то же должен обрабатывать металлы. Ладно, допустим, что на металлургических заводах были заняты рабы. Начал эту систему ещё Давид, отправлявший на металлургию пленных аммонитян. А потому свободные люди с той металлургии ничего толком не имели. Кто-то ещё должен строить укрепления вдоль торговых путей – завистников хватает. Рабочих на всё это откуда-то надо брать. Выхода два: либо давить народ, чтобы больше трудился, либо начать воевать с целью приобретения рабов. И в первом, и во втором случае в выигрыше окажется тот, кто присосался к администрации, сумел приблизиться к царю и его министрам. На такого человека прольётся золотой дождь. Подобная финансовая ситуация приводит к мощному развитию ремёсел и искусства, и если правитель мудрый, то будут ещё развиваться и науки – у царя и его приближённых есть золото на такие вещи. Собственно, так и произошло: царь строил города, дворцы и Храмы. Трон Шломо остался легендой на все века – кроме драгоценностей и золота это было сложное механическое устройство. Народ в таких случаях не безмолвствует хотя бы потому, что, даже если его положение не становится хуже, он видит, насколько богаче живут придворные и чиновники. И тут включается механизм социальной зависти. К счастью для соседей, Шломо был совершенно не расположен воевать, а потому не пожелал тратить деньги на армию, чтобы включить экономику войны, и, к несчастью для своего государства, он упустил из виду, что соседи, в том числе захваченные Давидом, могут тяготиться своим подчинённым положением и попытаются отделиться. Что и случилось: Шломо заключил с ними мягкие вассальные договоры, а после его смерти они полностью отложились. Получается, что всё, что мы получили от самой выгодной финансовой операции всех времён и народов – это Храмы, который мы потеряли, и книги мудрости, которые пребудут вовек.

Мейр ЛЕВИНОВ.

Что мы знаем о старухе Шапокляк?

Что прообразом куклы послужила тёща художника Леонида Шварцмана. Это не совсем так. Вот на фото – Нина Францевна Домбровская, та самая легендар-

ная тёща.

Разве это старуха Шапокляк? Это польская красавица из самого начала двадцатого века.

Когда Леонид Аронович размышлял, ка-

какой может быть вредная старушка, он оттолкнулся от слова „шапокляк“ – это складной цилиндр, шляпа девятнадцатого века. Значит, рассуждал художник, и образ должен быть не советской старушки, которую мы привыкли видеть во дворах (вспомните бабушек в платочках, в унылых тёмных платьях, вязаных шальях на плечах), а европейской дамочки, „ушедшего символа русско-имперской интеллигенции“.

Нина Францевна именно такой и была. Когда из-под карандаша появились все эти жабо, рюши и так далее, чего-то всё равно не доставало. Глядя на тёщу, Леонид Аронович понял, чего именно! Седого пучка волос на затылке. А уж дальше художник удлинил нос, подбородок – сделал из интеллигентной старушки шкодную, эксцентричную, „мультипликационную“ особу.

В жизни же Нина Францевна Домбровская была, как и положено европейской образованной барышне, хорошо воспитана, начитана, знала несколько иностранных языков и преподавала их в спецшколе. Среди её учеников был, на минуточку, Василий Сталин, который при живом отце рос абсолютным сиротой, и учителя его по-женски жалели, и отзывались о нём по-доброму.

Ну, а супруга Леонида Шварцмана – Татьяна Домбровская окончила курсы про-

рисовщиков-фазовщиков при киностудии „Союзмультфильм“, на студии начала работать ещё во время войны, в 1944 году. Позднее окончила Российский экономический институт им. Плеханова и стала ассистентом режиссёра. Работала с Фёдором Хитруком („Винни-Пух идёт в гости“), Инессой Ковалевской („Как львёнок и черепаха пели песню“), Андреем Хржановским („Дом, который построил Джек“) и своим мужем („Осторожно, обезьянки“).

Ей сейчас 94, Леониду Ароновичу – 99. В общем, когда в очередной раз увидите дурацкую статью, что старуха Шапокляк – это тёща художника Леонида Ароновича Шварцмана, вспомните фотографию Нины Францевны.

Сергей КАПКОВ.

От редакции.

В завершении несколько фактов о советских мультфильмах и евреях.

Когда озвучивать Карлсона пригласили Василия Ливанова, он заметил, что персонаж очень похож на режиссёра Григория Рошалю (Григорий Львович Рошаль (1899-1983) – советский режиссёр театра и кино, сценарист, педагог, публицист), из-за чего и решил скопировать его манеру речи. Зрители тоже заметили сходство, а сам Григорий Львович, который был на премьерном показе,

не мог понять, почему окружающие с улыбкой часто на него смотрят.

Добропорядочного и интеллигентного крокодила Гену Эдуард Успенский придумал глядя на своего друга композитора Яна Френкеля.

А вот с мультипликационным персонажем вышло по-другому. Его озвучивал Василий Ливанов, который подсказал дать крокодилу трубку, чтобы завершить образ. И таким образом сделал его очень похожим на Шэрлока Холмса, которого сам же и играл.

Геннадий Хазанов озвучил первые три выпуска мультфильма о попугае Кеше. Попугай у него получился птицей со сложным характером, но это компенсировало его обаяние.

Внешне попугай Кеша похож на артиста, а в его репликах можно найти отсылки к известным юмористическим номерам того времени. Тут уже Хазанов постарался и не зря. Благодаря этому мультяшник стал популярным среди детей и взрослых.

Первые серии мультфильма о коте Леопольде совершенно не похожи на те, что вышли позже.

Именно в них кот Леопольда озвучивал Андрей Александрович Миронов, задавший тон персонажу и определивший его дальнейший стиль. Он остался у мультяшного кота Леопольда, несмотря на изменение внешности и голоса в разных выпусках.

Гитлер лично объявил на неё охоту, когда она не приехала на Олимпиаду в нацистской Германии. Но пловчихе Юдит Хаспел всё же удалось сбежать в Палестину – и прожить до 86 лет.

Ханни Люкс – младшая сестра Юдит и её партнер в команде пловчих – вспоминала атмосферу, царившую в Австрии накануне Олимпийских игр 1936 года: „Перед отправкой в Берлин участники всех австрийских команд должны были пройти по Вене в факельном шествии. Собралась целая толпа зрителей. Они приветствовали спортсменов криками „Хайль Гитлер!“. Так продолжалось до тех пор, пока на площадь не вышла женская сборная по плаванию, почти целиком состоящая из женщин-евреек. Крики смолкли, и мы прошли по площади в атмосфере пугающей тишины“.

Сестру Ханни Юдит Хаспел считали главной звездой в австрийской женской команде пловчих – всего за год до Игр она получила в Вене звание „спортсменки года“. „Нас окружала атмосфера ненависти, – вспоминала она. – И тогда я поняла, что не хочу участвовать в этом чудовищном фарсе. Не хочу ехать в Берлин к Гитлеру. Не хочу представлять страну, которая поддерживала нацистов. Я отказалась“.

Юдит Хаспел родилась в Вене в 1918 г. Ещё школьницей она делала успехи в плавании, но вступать в австрийские спортклубы евреям было запрещено. Единственной лазейкой было общество „Хакоах“, которое в 1909 г. организовали в Вене два еврейских активиста: кабаретевец Фриц Беда-Лёнер и дантист Игнац Герман Кернер. „Ха-коах“ – на иврите „а-коах“, то есть сила. Общество пропагандировало спорт среди еврейской общины. Среди его членов одно время числился сам Франц Кафка.

Основной „специализацией“ „Хакоах“ был футбол. Команда еврейских футболистов колесила с турами по Европе и Америке. О „железных“ игроках клуба ходили легенды. В 1923 г. в Лондоне „Хакоах“ вы-

играл у „Вест Хэма“ со счётом 5:1 – невиданное дело на родине футбола. А годом позже в Будапеште вратарь команды Александр Фабиан сломал руку в самом начале матча, но отыграл до конца и даже сам забил гол в неистовом одиночном прорыве.

В „Хакоах“ не придавали большого значения плаванию вплоть до начала 30-х. Именно в это время под знамёнами клуба появилась целая россыпь талантливых еврейских пловчих. Все они позже составили костяк национальной австрийской сборной. Юдит Хаспел (18 августа 1918 г. в Вене – 20 ноября 2004 г. в Герцлии, Израиль) была среди них самой известной. В 1935-м она установила два рекорда в заплывах на длинную и среднюю дистанции и получила награду „Атлет года“ в Вене. Предстоящие Олимпийские игры в Берлине должны были стать её триумфом – так писали газеты, утверждавшие, что у Хаспел „просто нет конкурентов“.

Решение Юдит не ехать в Берлин произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ещё больше его усилил тот факт, что Хаспел поддерживали две другие еврейские спортсменки-пловчихи: Рут Лангер и Люси Голднер. Вслед за Юдит они заявили, что „не поедут к Гитлеру на поклон“.

Формально Австрия в тот момент сохраняла независимость от Германии – до аншлюса оставалось два года. Но уже летом 1936-го страна заключила договор с Третьим рейхом. Ключевые посты в государстве заняли нацисты, симпатии к Германии были очень сильны. Американский журналист Уильям Ширер так описывал Австрию в те дни: „Большинство австрийцев верили, что прочный союз с Германией желателен и неизбежен, что Австрия не сможет долго существовать сама по себе, что она способна выжить только в составе германского рейха. Кроме приверженцев подобной точки зрения были и ярые нацис-

Гитлеру назло

ты, число которых в стране непрерывно росло“.

Для Гитлера Олимпийские игры были средством показать всему миру мощь Германии. Берлин боролся за право проведения Игр с 1912 г. Город выбрали столицей Олимпиады-1916, но в тот год Игры отменили из-за Первой мировой войны. Гонка за право принимать у себя олимпийское торжество продолжилась в конце 20-х. Конкурентами Берлина в числе прочих были испанская Барселона и египетская Александрия. МОК утвердил кандидатуру Берлина в 1931-м – за два года до прихода к власти нацистов – и позже не изменил этого решения, даже несмотря на протесты.

Во многих странах полагали, что нельзя проводить Игры в расистском тоталитарном государстве. Летом 1936 года конференции и митинги с призывами к бойкоту Олимпиады прошли в Париже и Нью-Йорке. Участие бойкотировала Испания, своих спортсменов отказался посылать Советский Союз. Перед приездом в Германию Пьера де Кубертена, почётного президента МОК, с улиц Берлина убрали антисемитские плакаты и таблички с надписью „Евреям вход воспрещён“ – чтобы лишний раз не вспоминать „еврейский вопрос“.

Открытый демарш Юдит Хаспел привёл в ярость нацистскую верхушку, и, по легенде, самого Гитлера, назвавшего происхождение „еврейским плевром“. В Австрии радикалы требовали публичной расправы над „отказниками“. Уже вскоре Юдит Хаспел лишили всех спортивных титулов. Ей запретили участвовать в соревнованиях, а её имя вымарали даже из тех документов, где за ней были закреплены два национальных рекорда.

Спустя 60 лет Хаспел вспоминала в интервью: в конце 30-х годов ей удалось сбежать в Лондон, а затем с помощью со-

сортников по „Хакоах“ – сестра на корабль, который увозил еврейских беженцев в Палестину. „Если бы не это, я почти наверняка стала бы одной из первых жертв Холокоста“, – говорила она.

Олимпийские игры 1936 г. действительно стали триумфом, но не нацистского государства, а человеческого духа. Главной звездой той Олимпиады оказался чернокожий американский бегун Джесси Оуэнс. Он завоевал четыре золотые медали и на глазах у самого Гитлера распотал в пух и прах идею расового превосходства.

История Юдит Хаспел получила широкую известность в конце XX века. В 1995 году правительство Австрии принесло спортсменке официальные извинения и восстановило все её титулы и награды. Позже Хаспел разыскал израильский режиссёр Ярон Зильберман. Он хотел снять документальный фильм о футбольном клубе „Хакоах“ и заодно включить в картину эпизоды с пловчихами. Зильберман нашёл Юдит и её сестру Ханни в Герцлии, где женщины, каждой из которых уже было за 80 лет, жили в соседних квартирах. Их история настолько поразила режиссёра, что в итоге он посвятил пловчихам весь фильм, решив и вовсе не упоминать о футболе. Юдит Хаспел умерла в 2004 году в возрасте 86 лет. Сегодня её именем названы одна из улиц Герцлии и мост в Вене. В 2005 году картина „Водяные знаки“ о протесте еврейских спортсменок получила Гран-при на фестивалях в Париже и Киеве. Всего этот фильм удостоился более десятка наград.

Михаил БЛОКОВ.

К моменту оккупации Польши немецкими войсками 26-летний потомственный врач Евгениуш Лазовский был уважаем коллегами, не знал отбоя от пациентов и жил в счастливом браке, воспитывая дочь. К докторам немцы часто были весьма лояльны, так что вряд ли жизнь Лазовского круто изменилась бы, продолжи он медицинскую практику в своем кабинете в Варшаве во время оккупации. Однако он выбрал иной путь: вступил в добровольческий отряд, борющийся с оккупантами.

Медицинский поезд, к которому он был приписан, вскоре был уничтожен немецкой авиацией. Уцелевшие при бомбежке медперсонал и пациенты попали в плен, но Евгениушу вскоре в числе немногих удалось бежать. В Варшаве он стал бесплатно лечить всех нуждающихся, параллельно вступив в ряды польского Сопротивления. В какой-то момент, установив контакты с подпольщиками Варшавского гетто, Лазовский организовал узникам бесперебойную поставку жизненно важных лекарств.

В это время, к слову, родители Евгениуша прятали в своём доме еврейскую семью, которой удалось сбежать из гетто. Вот почему Лазовский был отлично осведомлен о всех бесчинствах, насилиях и убийствах, совершаемых немцами. Знал он и о том, как расправляются с теми, кто пытается узникам помогать. Когда очередная партия лекарств, переданных Лазовским в гетто, была перехвачена полицией, он принял решение покинуть город вместе с семьей. В 1942 году они осели в небольшом селении Розвадов на юго-востоке Польши: Лазовский возглавил медицинский пункт местной железнодорожной станции – в рамках миссии Красного Креста.

В Розвадове тоже было своё гетто, хоть и небольшое – для евреев, обнаруженных в близлежащих деревнях. Узников там держали обычно совсем недолго – отправляли дальше в крупные концлагеря. Из-за этого и охраны там было поменьше. Поселившись в доме прямо на границе с гетто, Лазовский смог

познакомиться с несколькими его обитателями. Затем, условившись с узниками о месте встреч и тайных знаках, он принялся их тайно лечить. Происходило это следующим образом. Ежедневно после основной работы Лазовский прогуливался у забора гетто. Если кому-то из его обитателей срочно требовалась медицинская помощь, на заборе вывешивалась

Эпидемия жизни

полоска белой ткани. Ночью Лазовский пробирался в гетто, лечил заболевших узников, а израсходованные при этом медикаменты списывал на пациентов поездов, проезжавших через станцию Розвадова.

Впоследствии Евгениуш признавался, что часто испытывал неконтролируемую ярость к нацистам и готов был броситься на каждого из них чуть ли не со скальпелем в руках. Останавливала его только мысль, что он может сделать что-то куда как более полезное – и в один из дней он, наконец, придумал. Идея озарила его во время разговора с коллегой – доктором Станиславом Матулевичем, помогавшим Евгениушу лечить евреев в гетто. Матулевич тогда рассказал, что ещё до войны он проводил эксперименты с тестированием пациентов на тиф по методу Феликса – Вейля. Что происходило: он вводил людям в кровь бактерию Proteus OX19, и она приводила к положительной реакции на тиф, хотя и не причиняла никакого вреда здоровью. К концу рассказа у Лазовского был готовый план: создать видимость эпидемии тифа как в самом Розвадове, так и в близлежащих деревнях – и добиться закрытия их всех на карантин. Матулевич идею оценил и взялся помогать во всём. Друзья решили, что прививки с бактерией, имитирующей тиф, они будут делать только полякам: „больных“ евреев немцы не стали бы лечить, а тут же расстреливать.

Вакцина от тифа в то время уже была изобретена, но вот с лечением уже заразившихся дела обстояли намного хуже. Болезнь часто заканчивалась смертью, и на фоне военной антисанитарии немцы боялись её, как огня. Вспышки тифа находились на постоянном контроле: кровь пациентов предписывалось сдавать только в контролируемые Германией лаборатории. Вот Лазовский и Матулевич и принялись отправлять в эти лаборатории пациентов, которые приходили к ним с симптомами, похожими на тиф: отсутствие аппетита, сильные головные боли, слабость, недомогание, лихорадку, диарею и состояние апатии. То есть они их сначала выслушивали, потом делали „витаминный“ укол с бактерией Proteus OX19, а уже потом отправляли сдать кровь. Все образцы крови как один давали положительный результат на тиф с общей географией распространения.

Через несколько месяцев, в середине 43-го, в 12 населённых пунктах вблизи Розвадова появились таблички: „Ахтунг, флексифер!“. Это значило: „Осторожно, тиф!“. Немцы перестали заходить в эти населённые пункты – а значит, перестали депортировать оттуда рабочих в Германию и искать там евреев. Помимо Лазовского и Матулевича об этой операции знали лишь несколько человек из местного движения Сопротивления. В подробности не посвящали даже тех евреев, которых специально направляли в „заражённые“ деревни, чтобы спрятать от нацистов.

„Конечно, мне было страшно, – признавался позднее Лазовский. – Я знал, что могу быть арестован, и подвергнут пыткам в гестапо. На этот случай я всегда носил с собой таблетку цианида“. Загвоздка была лишь в одном: прививка, дававшая положительный результат на тиф, действовала не больше десяти дней. Дальше приходилось констатировать чудесное исцеление. Пациенты, может, что-то и подозревали, но в основном молчали: ещё за два года до окончания войны их населённые пункты уже были свободными от немцев. Если кто-то из пациентов и задавал вопрос о быстром выздоровлении, Лазовский округлял глаза и говорил, что тот – просто счастливчик.

Евреев из гетто в Розвадове Лазовскому спасти не удалось. Но в близлежащих к Розвадову деревнях нашли приют порядка 8000 евреев, бежавших в провинцию из крупных городов. Большая часть из них осталась в живых благодаря введённому карантину. Гестапо, конечно же, заинтересовалось эпидемией с низким уровнем смертности: в список погибших от тифа Лазовский заносил только умерших от естественных причин – больше было некого. В итоге в карантинную зону нагрянула медкомиссия, сплошь состоявшая из немцев. Предупреждённый о „гостях“, Лазовский разместил в медчасти несколько десятков больных, предварительно привив каждого. Проверять их доверили самому юному члену медкомиссии, потому что все остальные были в стельку пьяны: Лазовский организовал для них настоящий пир во время чумы, водка лилась рекой. Ну, а недавний выпускник германской медакадемии, напуганный рассказами Лазовского о заразности тифа, даже не думал проверять фактические симптомы болезни у каждого пациента – он лишь осторожно взял у них образцы крови. Как и предполагалось, все они дали положительную реакцию на тиф. Режим карантина в населённых пунктах с общим числом жителей в 60 тысяч человек действовал вплоть до отступления немцев, а после сразу же сошёл на нет.

О своей роли в „эпидемии тифа“ Евгениуш Лазовский молчал долгие годы. После войны он работал в Институте матери и ребёнка в Варшаве, а в 1958-м эмигрировал в США, где стал профессором педиатрии в Иллинойском университете, написал более 100 научных работ. Только в 1980-м Евгениуш Лазовский вместе со Станиславом Матулевичем издал книгу о жизни в Польше во времена немецкой оккупации. Лишь после этого широкая общественность узнала все подробности операции по спасению человеческих жизней. При этом героем Лазовский себя не считал и очень смущался, когда его так называли. „Я просто делал то, что от меня требовала моя профессия, – говорил он. – Ведь основная обязанность врача – сохранить жизнь человека. В то время это был мой способ спасения жизней людей“.

Алексей ВИКТОРОВ.

Везучая

Дверь общего вагона остановилась прямо перед нею. Толпа нажимала и справа, и слева, и это позволило Саре Давидовне удержаться около двери и войти первой. Подгоняемая идущими сзади, она быстро прошла поближе к середине и села в угол, у окна. Снова повезло. Конечно, ехать ночь, сидя в общем вагоне, не так уж удобно; но денег на плацкартный не хватало, а она и в 80 лет сохранила нетребовательность к комфорту. Всё равно не уснуть. Это приглашение в Киев слишком многое всколыхнуло в душе. Будет сидеть и думать.

Теперь, когда Давид, Люся, внуки и правнуки навсегда уехали в далёкий Израиль и один Б-г знает, сможет ли она их посетить (им-то сейчас не до поездов назад, в Россию), у неё появилось много времени для размышлений. И, хотя сил пока ещё хватало, а руки без работы чувствовали себя не на месте, постепенно развивалась привычка подолгу сидеть, блуждая от одной мысли к другой.

Странное наблюдение всё чаще занимало Сару Давидовну. Снова и снова возвращаясь памятью к пережитому, она убеждалась, что ей очень часто везло. Иногда просто везло, вот как сейчас, когда случайно встала на перроне на подходящее место. А иногда с нею происходило что-то плохое, даже страшное, а потом оказывалось, что это плохое спасло её от ещё худшего.

Началось это, пожалуй, в 1915-м, когда отец вызвал маму с нею, двухлетней, под Москву, в посёлок со странным названием Катуйар. Он лежал там в госпитале, раненый на фронте. Бросив свой домик, жалкое барахлишко, мама приехала к нему. А он через два месяца умер, Сара его совсем не помнила. Денег на обратную дорогу не было, так они и застряли в Катуйаре. Мыкались и бедствовали очень, только года через два, в разгар революции, мама обрела комнату и постоянную работу. Но и потом было несладко: лет до десяти Сару постоянно мучил голод, воспоминания о нём остры и через 70 лет. А в двадцатом году мама узнала, что переезд в Катуйар спас их: в восемнадцатом всё местечко было вырезано петлюровцами.

Потом жизнь стала чуточку налаживаться. Сначала жили вдвоём, а в 34-ом расстались. Мама осталась, привыкла к здешним местам, а Сара поехала в Киев. Первые года полтора киевской жизни были самыми счастливыми. Нашлась работа на швейной фабрике. Дали комнату в квартире, где все пять соседских семей жили дружно. Появились друзья. Самой близкой подругой была Роза Гольденцвейг, жившая в соседней комнате – как хорошо, когда подруга рядом. Через полгода пришла любовь. Гриша Пономаренко, слесарь из её цеха, лихой, весёлый, черноволосый и голубоглазый.

Любовь кончилась печально. Когда Гриша узнал, что она беременна и не хочет делать аборт, он резко порвал с нею, а через несколько месяцев женился на Даше Савкиной, племяннице главного инженера. В день их свадьбы Сара родила мальчика, он дал ей силы пережить горе. И пережить то, что опять стало её невероятным везением. В 37-ом Гришу и Дашу арестовали, и месяца через три обоих расстреляли. Если бы не его измена, наверно, расстреляли бы не Дашу, а Сару. И её не миновала судьба миллионов. Через полгода после того, как она оплакала все ещё любимого Гришу, пришли за ней. Это было ужасно: её навеки отрывали от её Давидика, крохотного, обречённого на смерть или на прозябание в детском доме. Спасибо, тысячу раз спасибо Розе. Она взяла мальчика и сказала:

– Сара, успокойся. Обещаю: я не брошу его. Можешь на меня положиться.

И Сару увели. Пожалуй, и в этих невероятно тяжёлых испытаниях ей везло. Прежде всего, на следствии её били только один раз, и то без увечий. Видимо, следовательно торопился. Уже спустя пять недель после ареста её осудили тройка. Десять лет.

Везение продолжалось и дальше. Полтора года в тюрьме она провела с преподавателями Киевского университета, и за это время её разум, всегда жадный к знаниям, очень развился.

С середины 38-го стали регулярно, хотя и редко, приходить письма от мамы. Как трудно было маме научиться писать, да ещё по-русски! Первые письма были с такими чудовищными ошибками, что, несмотря на красивый и чёткий мамин почерк, Сара подолгу ломала голову, что здесь за слово написано. Но главное всё же понимала. Уже в первом письме мама написала, что Роза привезла ей Давидика. Ну, слава Б-гу: бабушка – ещё надежнее, чем подруга.

В 39-ом году тюрьма сменилась лагерем. Колыма. Сара была физически очень сильной, и ей, пожалуй, было чуть полегче, чем остальным. Тем более, что с детства как-то

приспособилась терпеть недоедание.

В начале 44-го мама сообщила ещё одну страшную весть. Розу Гольденцвейг расстреляли немцы, как и почти всех киевских евреев. Кажется, тогда название Бабий Яр не упоминалось. Но сведения о расстреле были несомненными. Вот и не осталось у Сары в Киеве никого. И ведь опять повезло. Если бы не арест, гнили бы её косточки в киевской земле. Повезло...

Странное везение продолжалось. Зимой 45-го она была на дальней командировке, на лесоповале. Лиственница стала падать не туда, Аня Рыжих споткнулась. Саре удалось вытащить Аню из-под ствола, но сучком вышибло глаз.

– Ну что же, Коган, – сказал вертухай. – Можете идти в медчасть.

Идти было девять километров. Мороз был за сорок пять. Глаз болел отчаянно. Она тащила, изнемогая от боли, мороза и усталости, почти всю дорогу в бреду разговаривая с мёртвыми – папой, Гришей, Розой. Но дошла. И осталась жива. А через три дня началась пурга, и когда она кончилась, оказалось, что все женщины на командировке замерзли. Выжили только трое. И она.

В конце 47-го Сара Давидовна освободилась. Освободилась, да не совсем. С Колымы уехать было невозможно. Одиночество заставило её принять предложение Фадеев Лещинского, бухгалтера, и выйти за него замуж. Замужество оказалось неудачным. Муж пил запоями, пьяный грязно ругал её и бил. Кончилось тем, что в сильный мороз, окованев, он пришёл на склад, где работал, и стал пить, не закусывая: закуска, как и всё, кроме спирта, окаменела от холода. Выпил разом полтора литра спирта и тут же умер. Что ж, пожалуй, снова повезло, а то бы долго мучилась.

В 55-м её реабилитировали, и Сара Давидовна приехала в Москву. Кажется, наступила новая пора везения, когда за хорошее уже не надо платить несчастьями. Самое огромное везение ждало её дома, в Катуйаре. И виновная в нём была мама. Когда поезд подошёл к Москве, к Саре подбежали они вдвоём: мама, маленькая, сухонькая, седая и морщинистая и Давид. Она узнала его мгновенно – не зря столько лет учила наизусть все фотографии, которые мама присылала каждые полгода. Но главное было выражение его глаз, его голос, слёзы, катившиеся по лицу. Главное было неподдельное сыновнее чувство, которое воспитала в нём бабушка и которое с тех пор грело душу Сары Давидовны всегда. И ещё одна радость, о которой она уже знала, но полностью оценила только сейчас. Сбылась заветнейшая мечта покойного отца, его внук поступил в институт. В изумительный Менделеевский институт, где не послужили препятствием ни фамилия Коган, ни репрессированная мать. Правда, престижный физико-химический факультет был для него закрыт, но и здесь повезло – уберёгся от радиации. Как мама, полуграмотная, на нищенскую зарплату дворничихи смогла поднять внука, вырастить таким красавцем, вытянуть его образование – навсегда осталось её тайной.

Так они и жили в Лесном Городке, как теперь назывался Катуйар. На пятом курсе Давид женился, и Люся сразу покорила сердце свекрови. Сару Давидовну радовало всё. Сначала радовала их комната в слегка покосившейся избе – целых 20 квадратных метров! Потом, после 59-го года, – чудо роскоши, трёхкомнатная квартира на четвёртом этаже хрущёвской пятиэтажки (как просто было вначале им шестером – уже родились и Катя, и Костик, как тесно стало потом и как пусто сейчас, хотя она оставила себе только одну комнату, две отдала беженцам из Душанбе). Радовала своя работа: как портниха, она заслужила известный авторитет. Радовали внуки. Радовала работа детей.

Годы брежневского застоя слабо затронули её душу. Конечно, часто было противно, но в основном душа всё продолжала оттаивать после страшных десяти тюремно-лагерных лет.

Перестройку и гласность она встретила с радостью, хотя вспышки политической активности, как у некоторых её подруг, у Сары Давидовны не было. Больше её занимали дела семейные – смерть мамы в 85-м (слава Б-гу, дожила до 90, и последняя четверть века была хорошей), женитьба сначала внучки, потом внука, правнука.

Страшным был конец 91-го. Сначала ГКЧП, потом эпопея эмиграции. Как ни уговаривали её, она отказалась уезжать. Не могла оставить могилу папы и мамы. Да и вообще, когда пришлось об этом задуматься, поняла, что она – русская, и никуда от русской земли, от русского языка, от русских людей уехать не сможет.

Что бы ни писали ревнители русской идеи. Но без детей стало невыносимо пусто и тоскливо. Чуть полегчало только через полгода, когда она поселила в двух комнатах Аю и Алию с их четырьмя малышами – армяно-таджик-

Еврейская майса

скую семью, бежавшую из Душанбе.

Она очнулась от задумчивости только, когда колёса поезда застучали по мосту через Днепр. Сердце сжалось. За окном сверкали купола Лавры, зеленели береговые кручи. Киев, город её молодости... Столица соседнего государства.

На перроне стоял молодой человек с табличкой „Мемориал” на груди.

– Где Ваши вещи, Сара Давидовна? – спросил он.
– Вот, – она показала сумочку.
– И всё?

– Да.

– Тогда так. Сейчас мы поедем ко мне домой. Вы позавтракаете, отдохнёте, можете поспать, а потом съездим в город. У меня два дня отгулов, покажу Вам всё, что хотите. Только, простите, машины у меня нет, придётся ездить городским транспортом. Да, забыл сказать. Зовут меня Гриша Панасюк. Мы на этот раз пригласили шестерых таких, как Вы, а наша группа – восемь человек, так что каждого приглашённого может кто-то опекать.

– Спасибо, Гришенька. Можно Вас так звать? (он кивнул). Хорошее у Вас имя. Я в молодости Гришу любила, от него у меня сынок. Расстреляли моего Гришу. Только у меня к Вам просьба. Не надо мне сейчас ни есть, ни отдыхать. Проводите меня в Бабий Яр.

В Бабьем Яру её совсем оставили силы. Она сначала стала на колени, а потом ничком легла на землю. Долго лежала и плакала. Оплакивала всё: свою молодость, Розу, Гришу, Дашу, которую так ненавидела когда-то и многих, многих друзей, чьи останки лежат здесь. Гриша Панасюк стоял в стороне, и его глаза тоже покраснели.

Потом они ехали к Грише. Он жил недалеко от её прежнего дома, но город было трудно узнать. Слишком многое было разрушено в войну и перестроено после войны.

И опять Сара Давидовна поразила своему везению. И Гриша, и Оксана, его жена, приняли её, как родную. Долгий вечер заполнили разговоры, а когда легла, то заснула сразу и спала крепко.

Утром Гриша сказал: „Сара Давидовна, мы сумели Вас найти потому, что в Киеве чудом сохранилось Ваше дело. Удалось снять с него ксерокопию, она сейчас у меня. Если хотите, я дам её Вам”.

Она хотела. Руки её сильно дрожали, когда в них легла пачка листов – очень тоненькая пачка. И вдруг...

Всего два раза в жизни она ощущала, как на голове шевелятся волосы от ужаса: когда при аресте у неё отрывали от рук Давидика и когда объявляли приговор. Сейчас был третий раз. Она смотрела на первый листок пачки и узнавала знакомый почерк. Сквозь муть, застилавшую глаз, разбирала слова. На листке из школьной тетрадки в три косых линейки было написано:

„В Народный комиссариат внутренних дел. От комсомолки Гольденцвейг Розы Израилевны.

Дорогие товарищи!

Долг комсомолки, патриотки, любви к великому Сталину велит мне написать вот о чём. Моя подруга Сара Коган попала под влияние вражеских элементов. Вначале она стала любовницей врага народа Григория Пономаренко, родила от него сына. Когда презренный отщепенец Пономаренко был разоблачён и осуждён, Коган в разговорах со мной и другими девушками жалела его и утверждала, что якобы приговор несправедлив. В последнее время Коган стала прибегать к контрреволюционной агитации, утверждать, что многих осуждают зря, что Партия мало заботится о трудовом народе. Я не могу терпеть такую наглую ложь и поэтому пишу вам.

Дорогие товарищи! Если вы сочтёте, что Коган заслуживает ареста и осуждения, то обращайтесь к вам с просьбой передать мне комнату, в которой она живёт. А я обещаю позаботиться о её сыне: он ведь ещё ни в чём не виноват. Я сделаю всё, чтобы он забыл преступных родителей и вырос настоящим советским человеком. Роза Гольденцвейг”.

Так вот кто спас её от Бабьего Яра! Так вот где источник великого везения, спасшего её жизнь. Любимая подруга польстилась на комнату. Сара Давидовна каким-то невыносимым усилием воли сдержала истерические вопли, рвавшиеся из груди.

Александр ЗАКГЕЙМ.

 <p>Claims Conference The Conference on Jewish Material Claims Against Germany</p> <p>ועידת התביעות</p>	<p>Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии”.</p>	<p>Газета „Вместе”. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот”.</p> <p>Редактор М. Тайбишак. Компьютерная вёрстка – М. Тайбишак, П. Тайбишак.</p> <p>Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.</p> <p>Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.</p> <p>☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.</p> <p>e-mail: ineinem20@gmail.com http://hesed-dorot.ch.ua</p> <p>Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.</p> <p>Подписной индекс 90781.</p> <p>При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.</p>
<p>Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт”.</p>		<p>Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.</p>